

ГОДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ*

В 50-е и начале 60-х годов центральный институт «Гипроград» размещался в Рыльском переулке, вблизи площади Богдана Хмельницкого (сейчас Софиевская). Часть помещений института была на территории заповедника «София Киевская», в здании хлебни и в двухэтажном корпусе, выходящем на Владимирскую улицу, где в основном были инженерные подразделения. Первые дни работы – знакомство с руководством 2-й мастерской, с непосредственными руководителями, коллегами, объектами, разрабатываемыми в мастерской. Первое, что сразу отметил, – средний возраст коллектива мастерской значительно старше, чем тот, в котором я работал в Донецке. Много людей среднего и даже пожилого возраста. Сравнительно немного молодых, особенно среди архитекторов. Хотя в то время пятидесятилетние мне казались глубокими стариками. Руководил мастерской Дмитрий Михайлович Баталов – известный архитектор и градостроитель, автор ряда крупных планировочных работ, в том числе генерального плана Одессы, проектов павильонов на ВДНХ и отдельных крупных общественных зданий. Дмитрий Михайлович сразу произвёл впечатление в высшей степени порядочного и деликатного человека и высококлассного специалиста. Первые впечатления подтвердились на протяжении всех последующих лет совместной работы. Инвалид (без одной ноги), ленинградец, переживший блокаду.

Дальше я упомяну только тех моих руководителей, с кем довелось работать первые 5–6 лет во 2-й мастерской. Так получилось, что в эти первые 1960–1965 годы, я работал сразу с несколькими главными архитекторами проектов. Почему так? Сегодня трудно ответить на этот вопрос. Задаю его себе сам. Как я мог делать проекты для разных городов почти в одно время? По проекту детальной планировки района Евпатории моим ГАПом был Яков Петрович Табачник – опытный градостроитель. По генеральному плану и проектам застройки жилых микрорайонов Калуша ГАПом был Ефрем Петрович Гринберг – человек, заслуживающий самой высокой оценки как специалист и как старший

---

* фрагмент будущей книги

товарищ. Ефрем Петрович был предпенсионного возраста. Вместе мы работали не более 5 лет. Проектированием жилых домов в Киеве для Совета Министров Украины руководила Лидия Александровна Гусева. С ней меня очень много связывало. Как до ухода её на пенсию в 1979 году, так и многие годы позже. Объектами в Днепропетровске руководил сначала Иван Дмитриевич Михайленко, а затем – Евгений Александрович Луканёв. В эти первые годы моей работы в Киеве я активно включился в проектирование днепропетровских объектов. Среди более молодых в нашей совместной работе участвовали Натан Зельдес, Женя Соболев, Толя Пилипенко, Богдан Слободян, несколько позже Коля Фещенко. Называю только самых близких мне.

Натан Зельдес вместе с братом-близнецом Марком были участниками войны, имели награды, но стаж архитектурной работы был у них немалым большим моего. Женя Соболев окончил архитектурный факультет КИСИ на год раньше меня. Богдан Слободян во время войны был в партизанах. Он был великолепным техником, а затем руководил макетной мастерской. Он умел очень быстро и грамотно воплотить в чертежи любой замысел архитектора. Все люди, которые окружали меня, были разными по характеру, способностям, темпераменту, методам работы.

Гипроград со своими филиалами входил в систему Государственного комитета по делам строительства и архитектуры. Его деятельность распространялась на территорию Украины, хотя по отдельным поручениям иногда разрабатывались проекты и для других регионов страны. В больших и малых проектных институтах были как специализированные, так и универсальные подразделения (отделы, мастерские), в которых работали специалисты разных профессий. Чем больше институт, тем чаще возникали в нём специализированные подразделения, которые обслуживали несколько чисто архитектурных мастерских. В таких архитектурных мастерских были только архитекторы и инженеры-конструкторы, иногда сантехники и сметчики. За время моей работы в Гипрограде структура подразделений несколько раз менялась. В первые годы моей работы у нас была универсальная мастерская. И дело не только в том, что рядом с архитекторами работали специалисты инженерных профессий. Основным отличием было то, что в мастерской разрабатывались крупные градостроительные проекты и проекты отдельных зданий и комплексов. Положительным в этом было то, что специалисты, особенно молодые, имели возможность работать и одновременно учиться, понимать и владеть самыми разными направлениями профессиональной деятельности. Существовала преемственность решений – от самого общего до частного. Была возможность понимания

идей, заложенных в градостроительные решения при проектировании отдельных зданий и сооружений, определённая последовательность в принятии решений. И вместе с тем в планировочных решениях, понимая, что уже завтра нужно будет проектировать конкретные объекты, не допускались нереальные фантазии и отсутствие конкретики. Такая организация планировочных работ требовала очень тщательной проработки и наличия высококвалифицированных специалистов. Возможно, такая организационная структура имела и некоторые недостатки. Но для меня это была полноценная школа практических знаний, которые очень пригодились в последующие годы. Так мы разрабатывали генеральный план города Калуша, а затем – проекты детальной планировки, проекты застройки микрорайонов и проекты отдельных зданий. Позже такая технология использовалась при проектировании и застройке города Ровенской АЭС Кузнецовска. Что лучше – универсализм проектировщика или узкая специализация, сказать трудно. Всё зависит от конкретных людей, обстоятельств. В нашей мастерской, а она, пожалуй, была самой универсальной в Гипрограде, разрабатывались генеральные планы Ровно, Луцка, Херсона, одно время – Донецка. Также разрабатывались проекты детальной планировки районов Евпатории и других городов Украины. Поэтому нам и поручили срочно разработать проект Украинского микрорайона в Ташкенте после катастрофического землетрясения и огромных разрушений в этом городе. Проекты зданий разрабатывал институт КиевЗНИИЭП, а их привязки и общее решение территории – 2-я мастерская Гипрограда.

В те времена вся графическая часть проектов выполнялась вручную. Существовала, исчезнувшая сегодня, профессия копировщиц, которые вычерчивали на кальке, вернее переносили на кальку, чертежи архитекторов и инженеров. Компьютеров, сканеров, ксероксов и другой современной техники ещё не было. Опытные копировщицы, как правило это были женщины, иногда даже находили ошибки в чертежах, показывали их разработчику и вносили поправки. Копировщицы прекрасно владели умением писать буквы, цифры, целые тексты. В результате чертежи, поступавшие на стройку, были легко читаемы. Не могу не вспомнить одну из наших лучших копировщиц – Елизавету (Лизу) Львовну Бойко, с которой мы проработали много лет. Чертежи размножались «на синьке». Была такая специальная бумага, которую натягивали на рамки и выносили на солнечный свет, позже стали применять специальные станки, где засвечивание производилось при помощи ламп. У меня сохранилось много таких старых чертежей.

На всех чертежах в те времена в штампе проставлялась фамилия автора проекта с его личной подписью. Это повышало ответственность, вносило определённость. Позже понятие «автор» смазалось. «Авторов» даже небольших проектов стало много, вписывали в число авторов всех, кого не жалко, вплоть до директоров институтов, главных архитекторов городов и областей. Подпись автора в штампах чертежей исчезла. Возникло ощущение уравниловки, особенно при массовом внедрении типовых проектов. Какие ещё авторы, никому не дано права высовываться! Приведу лишь один пример из практики тех лет. В 1964–1965 годы я разрабатывал проект жилого дома по улице Кирова (сейчас Грушевского). Заказчиком был Совет Министров УССР, главным архитектором проекта – Лидия Александровна Гусева. Проект был индивидуальный, с квартирами улучшенной планировки – большими по площади по сравнению с типовыми и с большей высотой этажей. Были и ограничения – ставилась задача, чтобы внешне дом не очень отличался от зданий массового строительства. Практически, всю работу сделал я. Задачей ГАПа по этому проекту была организация проектного процесса, работа с заказчиком, слежение за графиком выполнения работ, проверка чертежей, то есть общее руководство. Когда я в графе «автор проекта» написал «Гусева», Лидия Александровна строго сказала мне: «Убери мою фамилию, автор ты, и никто другой». Это было уроком, хотя на самом деле не всё так просто. Бывают самые разные ситуации. Но, в любом случае, эта очень тонкая и щепетильная тема всегда должна быть справедливо разрешена, особенно при современных технологиях проектирования, разделении труда. Ведь в законе «Об авторском праве и смежных правах» записано, что автором является тот, чьим непосредственным трудом создано произведение. Просматривая открытки с видами Киева начала 50-х годов, вижу имена архитекторов и скульпторов под изображениями известных памятников и словосочетание «автор объекта». Недавно мне на глаза попался журнал Киевского городского совета середины 30-х годов прошлого столетия. Большая часть журнала посвящена новостройкам Киева. Фото с проектов, фото со строящихся зданий – и под каждой фотографией фамилия архитектора – автора проекта.

Осенью 1960-го года я окончил разработку проекта детальной планировки центральной и привокзальной частей Евпатории. ГАПом был Яков Петрович Табачник. Или он был занят чем-то другим, или просто доверял, но мне поручили ехать с проектом в Евпаторию, согласовать с городским архитектором, в СЭС, в Областной архитектуре и защищать проект на градостроительном совете. Я почувствовал большую ответственность, возложенную на меня. Вообще, сегодня это удивительно:

молодому специалисту с двухлетним стажем работы, 26-летнего возраста поручают (доверяют) самостоятельно защищать большой сложный проект! Поехал в Евпаторию. Проект я защитил во всех инстанциях успешно. В этой поездке я походил по городу. Запомнилось, как разрушали огромный собор, стоявший на набережной. Конструкции тросами зацепляли за танк без башен, танк начинал двигаться, и всё валилось вниз.

Вместе с Я.П. Табачником и другими специалистами я участвовал в разработке генерального плана города Ровно. Эта большая работа дала мне новые знания. Что такое большой город, его проблемы – транспортные, инженерные, планировочные, его зонирование на жилые, промышленные, коммунальные и другие территории? Как учитывать перспективы развития, как рассчитать проектную численность населения? Эти и многие другие, решаемые генеральным планом, вопросы дали понимание градостроительства как науки и одновременно как творческого процесса, как поиск оптимальных решений взаимно связанных проблем. И ещё – место и значение каждого отдельного объекта в общей системе города, как в таком многогранном проекте сочетается решение чисто научных, инженерных проблем с архитектурным творчеством.

В начале 60-х годов я включился в работу по разработке генерального плана и, в дальнейшем, проектов застройки, города Калуша Ивано-Франковской (тогда Станиславской) области. Моим руководителем был Ефрем Петрович Гринберг. Разработка генплана велась одновременно с застройкой. Мне, молодому архитектору, много тогда доверялось. Я неоднократно ездил в Ивано-Франковск в областной отдел архитектуры, которым руководил тогда архитектор Сосновий. Иногда эти поездки были совместно с Ефремом Петровичем, иногда я ездил один. Однажды в совместной поездке в купе поезда мы начали мечтать о будущем Калуша. С нами ехал какой-то мужчина, как оказалось впоследствии – журналист. Он молча прислушивался к нашему разговору. Неожиданно для нас в газете «Правда Украины» появилась статья «Голубые города». Была тогда такая песня: «Снятся людям иногда голубые города...». В статье в оптимистических тонах говорилось о мечте молодого и пожилого архитекторов превратить Калуш в необыкновенно красивый город, о том, что для этого нужно сделать. А город в то время и на самом деле был голубым, но не в романтическом понимании этого словосочетания, а в самом прямом. От построенного химико-металлургического комбината над землёй стелился хлор. Иногда это напоминало газовые атаки времён Первой мировой войны. Тут уже вопрос был поставлен о будущем старинного города. В Гипрограде мнения разделились. Планировочные

мастерские, в значительной степени поддержанные руководством института, пропагандировали идею консервации старого города и перенесения дальнейшего строительства на новые территории, километров 25 на запад. Был даже разработан очень интересный проект генплана нового города с полузаглублённой линией железной дороги, для перевозки работающих на предприятиях. Этот проект был отмечен премией на смотре-конкурсе лучших проектов.

Для проектировщиков нашей мастерской были понятны все сложности решения с переносом города. Что делать с 45–50 тысячами жителей старого города, которые остаются? А вся инфраструктура – очистные сооружения, магистрали, система обслуживания... Как на новом месте начинать строить первое здание? Сколько времени и средств нужно потратить на подготовительные работы? И разве можно согласиться с созданием на прекрасной земле Украины зоны выжженной пустыни диаметром около 30 километров? Такое решение означало, что и многочисленные прилегающие сёла пришлось бы переселить. Жаркие споры продолжались. Мы считали, что лучше вложить средства в технологические схемы предприятий, построить необходимые очистные системы и сооружения. Тем более, по информации, которая тогда уже была, на Западе подобные предприятия не выбрасывают в воздух отравляющие вещества и размещаются непосредственно рядом с поселениями, а не в 3–8 километрах, как уже было в Калуше. Минхимпром СССР пошел по этому пути. Нашли средства, построили сооружения по улавливанию хлора на магниевом заводе, других предприятиях. Экологическое и санитарное состояние в городе постепенно начало улучшаться. Гипроград разработал новый генплан в границах территории исторического города и прилегающих участков. Пример поучительный. Он заставляет задуматься о том, как необходимо принимать обдуманые, взвешенные решения, подкреплённые научными и экономическими расчётами. Особенно, когда решается судьба старинного города. Калуш пострадал ещё от одной беды – провалов над выработками солевых шахт. Но всё новое многоэтажное строительство с самого начала велось вне зоны подземных выработок. В Калуше по нашим проектам построили шесть микрорайонов, клуб, кинотеатр, техникум, поликлинику, дом связи, школы, детские сады, магазины. И последние микрорайоны я уже проектировал в должности ГАПа. Трудно представить сегодня, что в начале работ по застройке города местный домостроительный комбинат выпускал только один тип панельного жилого дома – трёхсекционный четырёхэтажный. И этими одинаковыми домами нужно было застраивать микрорайоны.

В своих воспоминаниях я не могу не рассказать о некоторых руководителях института, с которыми за годы совместной работы было множество интересных эпизодов. Как личности они были самыми разными – профессионалы, чиновники на высоких постах, просто как люди. В первую очередь мне хочется рассказать об Игоре Владимировиче Меценцеве – главном архитекторе Гипрограда на протяжении многих лет.

Впервые я увидел Игоря Владимировича, ещё будучи студентом, в году 1956-м или 1957-м. Была организована экскурсия на строящуюся тогда ВДНХ. В четырёхэтажном доме с черепичной крышей – таких башенок было построено несколько рядом с выставкой, в одном из помещений на верхнем этаже был установлен большой макет территории выставки с павильонами, дорогами, деревьями, фонтанами. Рассказывал Игорь Владимирович – рассказывал интересно, было видно, что всё тут ему близко, знакомо, каждый павильон, каждая деталь. Мы тогда в полной мере не могли оценить громадный труд, вложенный многими коллективами в разработку проектов выставки. Лишь через несколько лет мне посчастливилось лично познакомиться со многими из авторов проектов павильонов – Д.М. Баталовым, К.С. Джанашия, Б.П. Жежериним, Л.А. Гусевой, Г.Н. Кислым, Я.Ф. Ковбасой, И.П. Антипенко.

Игорь Владимирович возглавлял большой творческий коллектив, будучи сравнительно молодым, во всяком случае, младше многих своих коллег. Поиски средств выразительности опирались на классические приёмы. Все ведущие архитекторы работали в этом направлении, казавшемся тогда единственно правильным. Выставка по стилю основана на классических приёмах, как планировочного решения, так и в решениях отдельных павильонов. Но какое разнообразие, сколько находок! Большая заслуга Игоря Владимировича в том, что ему удалось объединить многих авторов в творческий коллектив, создать ансамбль центрального ядра выставки, являющейся образцом Украинской архитектуры советского периода.

За долгие годы совместной работы с Игорем Владимировичем, многократно встречаясь с ним, я всегда видел в нём старшего товарища, готового оказать помощь, найти приемлемое проектное решение. Кажется, в 1960 году в Гипрограде выполнялся конкурсный проект экспериментального жилого района в Москве. Работа для тех времён новая. Архитекторами осмысливались новые возможности в комплексной застройке больших городских территорий, велись поиски приёмов застройки и средств выразительности. Серьёзные поиски велись и в области новых типов жилых домов для массового строительства, обосновывались принципы посемейного заселения, новые

конструктивные схемы. Работа двигалась сразу по многим направлениям, в том числе разработка новых схем зданий школ, детсадов, магазинов. В центре этой большой и сложной работы стоял Игорь Владимирович, душа и организатор, идеолог и вдохновитель.

За этим конкурсом последовали новые – на застройку жилого массива в Киеве севернее Броварского шоссе, где Гипроград получил первую премию. В этом конкурсе пришлось участвовать и мне, главным образом как оформителю. Конкурс на застройку Левобережного общественного центра. Тут снова Игорь Владимирович проявляет способность сплотить коллектив из людей разного возраста и с различными взглядами на решение поставленной задачи.

Уже в новом здании на бульваре Леси Украинки кабинет Игоря Владимировича был открыт всегда для всех. О его доступности хочется сказать особо. Он не был начальником в полном смысле этого слова, да и можно ли быть начальником в архитектурном творчестве? Мне приходилось работать с несколькими главными архитекторами, но той простоты отношений, что сложилась с Игорем Владимировичем, не было ни с кем. В нём не чувствовался начальник, у него не было громкого голоса, он не применял резких выражений, в его лице большинство из нас, более молодых, видело лишь старшего товарища. Это не было панибратством, иногда руководители для завоевания авторитета пытаются подладиться под подчинённых, подыграть им. Ничего подобного у Мезенцева не было. Просто исключительная простота в отношениях, естественность. Поэтому и говорить с ним всегда было легко, даже если по некоторым профессиональным вопросам мнения порой расходились. У него ничего не было от чиновника, администратора, даже, может быть, иногда это шло во вред делу.

Хочется сказать о способности Игоря Владимировича давать точную оценку работе своих коллег. У него было тонкое чувство на проекты. Обычно, завершая, как главный архитектор института, работу архитектурно-технического совета, он давал безошибочную оценку проекту. При этом замечал в нём такие достоинства и недостатки, которые другие не заметили при обсуждении. Эта его способность видеть глубоко чужие работы отмечалась многими. Игоря Владимировича включали в состав многочисленных жюри, комиссий. И всегда его оценки были безошибочными. Даже в слабом проекте он умел найти положительные качества, поддержать и помочь автору. Для меня всегда были очень дороги его поддержка, доброе слово.

Помню, как однажды Игорь Владимирович высоко оценил мои акварельные этюды. Вечером, после окончания рабочего дня, мы мон-

тировали в коридорах Гипрограда выставку художественных работ. Работы, уже оформленные в рамы под стеклом, стояли на полу вдоль стен. Игорь Владимирович, проходя по коридору, остановился, долго рассматривал работы, затем поднял одну: «Такое удаётся сделать один раз из сотни, поздравляю Вас, Юра». В руках Игорь Владимирович держал этюд, написанный ранней весной на реке Ирпень. Он действительно удался. Потом дома я пытался сделать на основе этого этюда более крупную работу, но той свежести и чистоты, что была на первом этюде, не получилось. Сам прекрасный рисовальщик, акварелист, Игорь Владимирович радовался удачам своих коллег. Как-то мы решили сделать памятные альбомчики с репродукциями своих лучших работ и подарить друг другу. Как добрую память об Игоре Владимировиче храню альбом с репродукциями его кубинских рисунков и акварелей.

Жаль, что Игорь Владимирович, как мне кажется, преждевременно ушёл из Гипрограда. Вероятно, были на это серьёзные причины, о которых я не знаю. Оставаясь формально одним из авторов проекта Мемориального комплекса Музея Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в Киеве, он потерял возможность планомерно работать и участвовать в его строительстве. А ведь он стоял у истоков проектирования этого сложного и во многом противоречивого комплекса. Когда-то я увидел у Игоря Владимировича альбомчик с цветными фотографиями и чертежами этого комплекса, выполненный скульптором Е. Вучетичем для показа украинскому руководству. В этой своей первой редакции всё преподнесённое выглядело настолько неправдоподобным, странным, что я без обиняков высказал Игорю Владимировичу своё мнение в довольно резких выражениях. Похоже, что он обиделся, а может быть, понимал, что назад хода нет, но сказать это не мог. Я понял, что это серьёзно. Решение было принято, началась работа. Конечно, в процессе работы многое изменялось, многое было отброшено. Осталось ощущение, что не будь этого, высочайше навязанного, альбомчика, конечный результат мог бы быть совсем иным. А картинки действительно были удивительными. По склону горы ползли вверх обнажённые фигуры натурщиков, были они огромными, метров по двадцать каждая. Ползли они к подножью памятника Родины-матери. Памятник в виде женщины огромного размера золотого цвета. Женщина вся состояла, то есть была как-бы слеплена, из маленьких фигурок солдат и в гражданской одежде. Её высота была более ста метров. Возможно, на то, что окончательное решение комплекса музея отличается от первоначального замысла, повлиял произошедший вскоре уход из жизни скульптора Е. Вучетича.

Для меня Игорь Владимирович Мезенцев является примером специалиста и человека. Несомненны его большие заслуги перед украинской архитектурой. Его идеи воплощены в построенных зданиях, генеральных планах городов. И главное, что он сумел передать новым поколениям архитекторов, – это творческое отношение к профессии, бойцовские качества, трудолюбие и доброту.

Подробнее об этих проектах, объектах, людях, с которыми довелось встречаться, сотрудничать, дружить, спорить, доказывать и добиваться результатов, я расскажу позже. О ситуациях, иногда непростых, в которые приходилось попадать. А пока – первые годы работы в Гипрограде. Работу и многое другое, с ней связанное, можно назвать главным в жизни молодого человека.